

земледѣльческомъ трудѣ. Этотъ планъ имѣеть за себя лишь дѣнь нашихъ помѣщиковъ и невѣжество нашихъ крестьянъ. Мы не имѣемъ ничего противъ переселенія къ намъ разныхъ иностранцевъ, если они желаютъ переселяться такъ, какъ они переселяются въ Соединенные Штаты, то-есть на собственный счетъ и страхъ, — мы желали бы также серьезнаго пересмотра нашего законодательства объ арендѣ земель, которое не соотвѣтствуетъ настоящему состоянію ни сельскихъ хозяйствъ, ни политической экономіи, — мы желали бы еще, чтобы иностранцамъ въ ихъ переселеніи въ Россію не представлялись различныя препятствія въ нашихъ полицейскихъ постановленіяхъ и самовольствѣ мелкихъ административныхъ учреждений; но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ мы желали бы еще — и главнымъ образомъ — чтобы наши помѣщики серьезно занялись сельскимъ хозяйствомъ и перестали бросать всѣхъ своихъ дѣтей въ непронзводительныя профессіи, а готовили изъ нихъ будущихъ агрономовъ, и чтобы нашимъ крестьянамъ была, наконецъ, открыта широкая дорога къ приобрѣтенію земледѣльческихъ свѣдѣній посредствомъ дѣльнаго курса народной школы.

НЕКРОЛОГЪ.

Александръ Федоровичъ Гильфердингъ.

Русская литература понесла въ іюль мѣсяцѣ прискорбную потерю со смертью А. Ф. Гильфердинга, имя котораго не разъ стояло и на страницахъ „Вѣстника Европы“. Почтенный ученый умеръ совершенно неожиданно, только-что оставивъ Петербургъ для продолженія тѣхъ розысканій, которыя началъ онъ въ прошломъ году и описаніе которыхъ представилъ въ статьѣ, напечатанной въ мартовской книжкѣ „Вѣстника“ нынѣшняго года. Онъ былъ еще въ полномъ развитіи своихъ силъ и дѣятельности, когда печальная судьба унесла его въ могилу.

Близкіе друзья вѣроятно представятъ болѣе или менѣе подробную біографію Гильфердинга; въ ожиданіи ея мы можемъ сообщить о немъ только немногія свѣдѣнія. Онъ родился въ 1831-мъ году, и первое образованіе получилъ въ Варшавѣ въ домѣ своего отца (впослѣдствіи управлявшаго въ Петербургѣ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ), а въ 1848-мъ году поступилъ на историко-филологическій факультетъ въ московскомъ университетѣ. Въ Москвѣ Гильфердингъ вошелъ въ славянофильскій кружокъ Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, и это опредѣлило его будущіе взгляды и направленіе. Съ этимъ

кружкомъ онъ навсегда сохранилъ самыя дружескія связи, и шель вмѣстѣ съ нимъ въ своихъ литературныхъ и общественныхъ воззрѣніяхъ и трудахъ. Наиболе близокъ онъ былъ, кажется, съ Хомяковымъ, мнѣнія котораго болѣе многостороннимъ образомъ обнимали разныя отрасли славянофильскаго ученія. Непосредственно по окончаніи университетскаго курса, Гильфердингъ началъ свою ученую и литературную дѣятельность. Первыми трудами его были изслѣдованіе: „О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ“, 1853, напечатанное въ „Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ“ и отдѣльной книжкой, и затѣмъ магистерская диссертация: „Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ“ (Москва, 1853). Эти филологическія работы не были изъ лучшихъ трудовъ Гильфердинга; сравнительная филологія была у насъ еще въ совершенно младенческомъ состояніи, и Гильфердингъ, кажется, слишкомъ положился здѣсь на авторитетъ Хомякова, который также пускался въ эту область, но вовсе не могъ служить въ ней надежнымъ руководителемъ. Въ слѣдующемъ году Гильфердингъ началъ печатать свои историческія изслѣдованія: „Исторію Балтійскихъ Славянъ“ (сначала въ „Москвитиннѣ“, потомъ отдѣльной книгой одинъ 1-й томъ, М. 1855) и „Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ“ („въ Моск. Вѣдомостяхъ“ и въ „Русской Бесѣдѣ“, и отдѣльно, Москва, 1856—1859). Въ этихъ изслѣдованіяхъ Гильфердингъ показалъ уже обширную начитанность и историческій талантъ, обѣщавшіе въ немъ замѣчательнаго ученаго.

Послѣ окончанія крымской войны, Гильфердингъ, по собственному желанію лично изучить славянскія земли, назначенъ былъ консуломъ въ Боснію, кажется, въ Сараево или въ Мостаръ. Онъ пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ сдѣлалъ много поѣздокъ внутри страны, и результатомъ его изученій было обширное сочиненіе: „Боснія, Герцеговина и Старая Сербія“ (Спб., 1859), гдѣ описаніе путешествія исполнено множествомъ изображеній страны и народнаго быта, историческихъ и археологическихъ разысканій. Это — одно изъ немногихъ ученыхъ путешествій по славянскимъ землямъ, какимъ можетъ похвалиться наша литература: по своимъ достоинствамъ оно можетъ быть поставлено рядомъ съ путешествіемъ по Турціи В. И. Григоровича. Въ то же время Гильфердингъ слѣдилъ за явленіями славянской литературы и славянской жизни, и помѣщалъ свои статьи объ этихъ предметахъ въ начавшейся тогда „Русской Бесѣдѣ“. Цѣлый обзоръ новѣйшаго движенія западнаго славянства сдѣланъ былъ имъ въ сжатой формѣ, но съ большимъ талантомъ и знаніемъ, во французской брошюрѣ: „Les Slaves Occidentaux“, вышедшей безъ имени автора въ Парижѣ, 1858. Впоследствии, онъ еще разъ сдѣлалъ путешествіе по Сербіи и Болгаріи и вывезъ цѣлое собраніе замѣчательныхъ рукописей, проданное имъ послѣ г. Хлудову. Для изученія сла-

вянской народности, Гильфердингъ сдѣлалъ поѣздку и въ другой край славянскаго міра, въ Померанію, гдѣ онъ изучалъ слѣды стараго славянскаго населенія, занимавшаго нѣкогда эту страну, и уцѣлѣвшую донинѣ небольшую славянскую вѣтвь — кашубовъ. Свои наблюденія онъ изложилъ въ изслѣдованіяхъ о языкѣ кашубовъ и слѣдахъ нарѣчія древлянъ (въ „Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ“, и отдѣльно: „Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря“, Спб. 1862).

Служба Гильфердинга продолжалась, по возвращеніи изъ Босніи, въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (замѣтимъ въ объясненіе, что въ „азіатскомъ“ департаментѣ находятся и славянскія дѣла земель, принадлежащихъ Турціи), потомъ въ государственной канцеляріи. Въ началѣ польскаго возстанія Гильфердингъ перешелъ на службу въ Варшаву, гдѣ, какъ говорятъ, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Н. А. Милютина; въ то же время онъ участвовалъ въ литературной разработкѣ польскаго вопроса длиннымъ рядомъ замѣчательныхъ статей, которыя помѣщалъ онъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, но особенно въ газетѣ „День“ и ея преемникахъ.

Въ 1868-мъ году онъ началъ изданіе своихъ сочиненій, которыхъ успѣлъ выдать два тома. Въ послѣдніе годы онъ задумалъ обширный трудъ, „Исторію Славянъ“, началомъ котораго было то изслѣдованіе о древнихъ славянахъ, которое было помѣщено въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ послѣдніе годы онъ издалъ еще: „Общеславянскую Азбуку, съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій“ (Спб. 1870), и брошюру: „Гусь. Его отношенія къ православной церкви“ (Спб. 1871), выражающую извѣстный тенденціозно-историческій взглядъ на Гуса славянофильской школы.

Въ Гильфердингѣ славянофильская школа потеряла одного изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ представителей. Человѣкъ талантливый, съ обширными учеными свѣдѣніями и практическимъ знаніемъ современнаго славянства, онъ представлялъ большую литературную силу школы, но потеря его безъ сомнѣнія прискорбна для всей литературы. Теперь, быть можетъ, еще не пришло время для полной оцѣнки направленія его дѣятельности: направленіе славянофильское, оно заключало въ себѣ извѣстныя преувеличенія и односторонности этой школы, которыя намъ не были сочувственны, — хотя, быть можетъ, у Гильфердинга онъ больше, чѣмъ у другихъ, покрывался логической послѣдовательностью изложенія. Таковы были его публицистическія статьи по западно-славянскому вопросу. Характеръ его разсужденій о польскомъ вопросѣ можетъ разъясниться для нашихъ читателей изъ статей о „Восточной политикѣ Германіи“, гдѣ достаточно опредѣлена тенденція газеты „День“. Дѣятельность славянскаго комитета, гдѣ Гильфердингъ въ послѣднее время былъ предсѣдате-

лемъ и, кажется, главнымъ руководителемъ, также даетъ мѣсто для многихъ возраженій. Нѣтъ сомнѣній, что еслибы наша литература была въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ находится она въ послѣдніе годы, полемика болѣе выяснила бы недостатки современнаго славянофильства; — но въ наше глухое и темное время, эти недостатки къ сожалѣнію для многихъ неясны и порождаютъ много заблужденій. Оговоримся впрочемъ, что современное славянофильство имѣетъ нѣсколько оттѣнковъ, довольно несходныхъ; изъ нихъ Гильфердингъ принадлежалъ къ тому, который былъ непосредственнымъ продолженіемъ стараго славянофильства и былъ, при всѣхъ недостаткахъ, очень далекъ отъ новѣйшей мнимо-народной школы политиковъ, въ родѣ „Моск. Вѣдомостей“ или „Голоса“.

Намъ кажется, что Гильфердингъ не былъ и упрямымъ доктринеромъ, какъ это слишкомъ свойственно всѣмъ исключительнымъ школамъ. Нѣтъ сомнѣній, что онъ былъ доступенъ живымъ впечатлѣніямъ общественнаго быта и народной дѣйствительности, гдѣ доктрина уступала передъ фактами. Доказательствомъ этого были и тѣ послѣднія работы, съ которыми роковымъ образомъ связана была его смерть и которыя остались, быть можетъ, лучшимъ изъ результатовъ его изученія собственно русской народной жизни. Мы понимаемъ его изслѣдованія о былинномъ эпосѣ.

Новое открытіе былиннаго эпоса въ захолустьяхъ сѣвернаго края, какъ извѣстно, составляетъ заслугу г. Рыбникова, народнаго изслѣдователя, занесеннаго въ Олонецкую губернію, кажется, путемъ административной ссылки. На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ новомъ краѣ, г. Рыбниковъ открылъ въ сѣверномъ русскомъ народѣ богатую струю эпической поэзіи, которая считалась уже изсякшею и погибшею. Сначала появились въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ отдѣльныя былинны, затѣмъ цѣлый томъ, за которымъ издатель обѣщаль дальнѣйшіе. Появленіе этого богатаго запаса древнѣйшей народной поэзіи, живой до сихъ поръ въ устахъ народа, было такъ неожиданно, что, мы помнимъ, нѣкоторые изъ тонкихъ знатоковъ — хотя не рѣшались говорить противъ нагляднаго, слишкомъ яснаго факта, — при началѣ дѣла выражали „желаніе“, чтобы тексты г. Рыбникова были „ближе изучены“, „провѣрены“, прежде чѣмъ „наука“ приметъ ихъ въ свое владѣніе. Словомъ, существовало нѣкоторое недоувѣріе къ тому, чтобы „наука“ могла до сихъ поръ проглядѣть столь крупный и замѣчательный фактъ народной жизни. Дальнѣйшія публикаціи г. Рыбникова уничтожили всякую возможность недоувѣрія; изслѣдователи могли стать лицомъ къ лицу съ этимъ фактомъ, и увидѣть его во-очію; народные пѣвцы, открытые г. Рыбниковымъ, получили извѣстность и возбудили интересъ даже въ высшихъ сферахъ; былинны являлись въ изданіяхъ г. Рыбникова со всѣми указаніями мѣстностей,

съ вариантами различныхъ пѣвцовъ и т. п. Фактъ былъ уже вѣдѣнаго сомнѣнія, но оставался не менѣе поразительнымъ и любопытнымъ.

Гильфердингъ былъ также имъ живо заинтересованъ. Въ послѣдніе годы, вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ (гдѣ онъ перешелъ на службу при государственномъ совѣтѣ), Гильфердингъ между прочимъ избранъ былъ предсѣдателемъ въ этнографическомъ отдѣленіи географическаго общества. Связанный и этимъ путемъ съ задачами и потребностями русской этнографіи, Гильфердингъ возымѣлъ мысль объѣхать Олонецкій край, чтобы по возможности собрать полныя свѣдѣнія о распространеніи былиннаго эпоса и вообще объ этнографическихъ подробностяхъ его сохраненія въ народѣ. Прошлымъ лѣтомъ, онъ употребилъ два мѣсяца на эту поѣздку, изъ которой возвратился съ богатымъ запасомъ новыхъ былинъ и новыхъ вариантовъ, съ запасомъ множества разнообразныхъ наблюденій о народной жизни Олонецкаго края. Читатели „Вѣстника Европы“ знаютъ его въ высшей степени любопытный рассказъ объ этомъ путешествіи, и, — на что мы особенно хотѣли указать, — изслѣдователь понималъ свою задачу такъ широко и серьезно, какъ только можно было бы желать: специальная задача не закрыла отъ него вопроса о цѣломъ бытѣ видѣннаго имъ народа, и онъ относится къ этому народу съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ разумніемъ его тяжкихъ нуждъ, говорить о нихъ съ такой убѣдительностью и, иногда, такой смѣлостью, которыя вызывали самое полное сочувствіе. Живое сближеніе съ народнымъ бытомъ возбуждало въ немъ такое чувство и такія мысли, которыя могли вполне раздѣлится съ нимъ и люди, въ другихъ случаяхъ не раздѣлявшіе его мнѣній.

Въ началѣ іюня нынѣшняго года Гильфердингъ отправился снова на сѣверъ; на этотъ разъ онъ хотѣлъ осмотрѣть южные уѣзды Архангельской губерніи. 8-го іюня онъ выѣхалъ изъ Петербурга, а 20-го въ Петербургѣ была получена телеграмма о его смерти, въ Каргополѣ. Теперь извѣстно, что онъ почувствовалъ себя нездоровымъ уже вскорѣ по выѣздѣ изъ Петербурга, но непремѣнно хотѣлъ продолжать дорогу; онъ умеръ отъ тифозной горячки, полученной вѣроятно на „трешкотѣ“, первобытнаго устройства баркѣ, на которой ему нужно было проѣхать часть пути. Тѣло его было привезено въ Петербургъ и погребеніе совершено на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, 5-го іюля.

Одинъ изъ друзей покойнаго замѣчаетъ объ его мнѣніяхъ и личномъ характерѣ: „По своему политическому направленію, покойный Гильфердингъ принадлежалъ къ числу самыхъ гуманныхъ и вольномыслящихъ общественныхъ дѣятелей. Своимъ тихимъ, кроткимъ нравомъ, ровнымъ, сдержаннымъ характеромъ, вмѣстѣ съ блестящими умственными дарованіями и обширнымъ образованіемъ, А. Θ. Гиль-

фердингъ легко привлекалъ къ себѣ людей разнообразныхъ направленій и характеровъ. Всѣ они находили въ немъ живого, умнаго собесѣдника, готоваго всегда на дружеское одолженіе вліятельнымъ ходайствомъ, совѣтомъ, мыслью, книгами, рукописями....“ Мы не были близки съ покойнымъ, но въ немногихъ сношеніяхъ съ нимъ дѣйствительно встрѣчали въ немъ эти свойства просвѣщеннаго человѣка, къ сожалѣнію далеко не обыкновенныя въ нашемъ кругѣ литературномъ,— не говоря о другихъ. Справедливо и другое замѣчаніе, сдѣланное тѣмъ же авторомъ: „преждевременная кончина Гильфердинга тяжело отзовется также и въ славянскихъ земляхъ Австріи и Турціи, гдѣ онъ имѣлъ многочисленныхъ друзей и почитателей“.

Послѣдній трудъ Гильфердинга — сборникъ былинъ, составленный имъ во время путешествія и, какъ видно изъ его разсказа, значительно разъясняющій предметъ, какъ говорятъ, почти готовъ печатаніемъ и вскорѣ долженъ явиться въ свѣтъ. Нельзя не пожелать, чтобы друзья Гильфердинга постарались и объ окончаніи начатаго имъ самимъ собранія его сочиненій.

А. П.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Н. В. БУССЕ

ОБЪ ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ И ЭКСПЕДИЦІИ 1853 ГОДА.

Письмо къ редактору.

М. Г. Весьма сожалѣю, что въ настоящее время я не могу самъ представить для печати описаніе о главной цѣли и направленіяхъ дѣйствій нашихъ въ Пріамурскомъ краѣ съ 1849-го по 1855-й годъ; это было бы лучшимъ возраженіемъ противъ дневника Н. В. Буссе, напечатаннаго его наслѣдниками въ трехъ послѣднихъ книгахъ вашего журнала за прошедшій годъ. Но бывший мой сотрудникъ по Сахалинской экспедиціи 1853-го и 54-го гг., которая именно и составила предметъ вышеупомянутаго дневника, Н. В. Рудановскій, исполнилъ отчасти мое намѣреніе. Препровождая къ вамъ его возраженія, я считаю долгомъ присоединить съ своей стороны, что отзывъ Н. В. Буссе о личномъ характерѣ г. Рудановскаго и о степени его заслугъ во время Сахалинской экспедиціи вполне несправедливъ. Мнѣ, какъ лицу, стоявшему во главѣ всего предпріятія, слишкомъ дорога добрая память о сотрудникахъ по Амурской и Сахалинской экспедиціямъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ, и я смѣло могу сказать, что съ ихъ энергіею, самоотверженіемъ и полезною дѣятельностію, сопряженными съ опасностями, мы только и могли съ ничтожнѣйшими средствами положить основаніе къ прочному нашему водворенію на юго-восточныхъ бере-